

орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок.

Можно выделить еще один тип нормы, **прагматическую норму**. Чтобы получить представление о том, что это такое, возьмем знакомый всем родителям случай. Приходит в гости беременная женщина. Увидев ее, ребенок спрашивает у мамы громким голосом: *Почему у тети такой большой живот?* Мама объясняет ребенку почему. Поняв, что эта тетя беременная, в следующий раз, когда приходит в гости толстая женщина, ребенок спрашивает с чувством уверенности в своих знаниях: *Эта тетя тоже беременная?* Поступая так, ребенок показывает, что он еще не усвоил правила прагматической нормы, состоящей из конвенций речевого поведения: кто имеет право говорить, какие темы можно затрагивать, как громко следует говорить, как близко к собеседникам можно стоять. Прагматическая норма часто определяется не языком, а культурой.

При рассмотрении разных сущностных свойств языка Э. Косериу выдвинул триаду «система» — «норма» — «узус» (Coseriu 1962, ср. Мустайоки 2013). Основная идея разграничения этих понятий заключается в следующем: **система** является потенциалом языка, **норма** — это то, что носители языка считают правильным, **узус** представляет собой обобщение языкового материала, речевую привычку, то, как люди говорят и пишут. Так, норма отражает то, что считают правильным, а узус то, как принято говорить (писать). Возникает естественный вопрос: почему не ограничить употребление понятия «норма» сферой литературного языка (официальной нормой)? Коллективная, ситуативная и прагматическая нормы — это ведь узусы, а не нормы: это то, так принято говорить.

Действительно, говоря о том, как люди употребляют язык в разных жанрах и дискурсах, можно употреблять термин «узус». Тогда мы обращаем внимание на реальность, на то, как люди говорят в разных ситуациях общения. Однако это не только узус. К этим разновидностям языка можно также применять термин «норма», поскольку у людей есть представление о том, как правильно вести себя в данных ситуациях. Собственно говоря, с точки зрения успешной коммуникации умение ориентироваться в разных речевых ситуациях и учет слушателя (реципиент-дизайн) — намного более важный элемент, чем правильность речи с точки зрения официальной нормы.

Коллективная, ситуативная и прагматическая нормы отличаются следующими характеристиками:

Стихийность: данные нормы образуются, а не определяются.

Демократичность: нормы не задаются «сверху вниз», а создаются самими носителями языка (это не значит, что любой член коллектива имеет одинаковый вес в ее создании).

Диффузность: нормы не имеют четких границ, могут быть разные ее версии.

Динамичность: данным нормам свойственны более быстрые изменения, чем официальной норме.

Coseriu E 1962. Sistema, norma y habla // Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid: Gredos, 11–113.

Земская Е. А. 1987. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Мустайоки А. 1988. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование. М., 1988.

Мустайоки А. 2013. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания, 5, 3–17.

Цейтлин Ц. Н. 2000. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос.

ПАУЗАЦИЯ В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО

Ю. О. Нигматулина, Е. И. Риехайainen
julia.nigmatic@yandex.ru, reha@inbox.ru
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Считается, что при восприятии устной речи просодическое оформление высказывания (интонация, логическое ударение, паузация и т.п.) позволяет слушающему восполнить «невыраженность, недосказанность чего-либо средствами других ярусов» (синтаксиса и лексики) (Земская 2006: 212). Вместе с тем замечено, что в русской спонтанной речи семантико-синтаксические целостности могут разрываться паузами (включая

заполненные паузы хезитации) (Фонетика спонтанной речи 1988: 141–150; Рассказы о сновидениях... 2009; Слепокурова 2010), что, однако, не препятствует пониманию замысла говорящего слушающим.

Цель исследования, которое будет представлено в докладе, — определить, насколько часто в русской спонтанной речи встречаются случаи разрыва семантико-синтаксических единств, и оценить полученные данные с точки зрения возможных стратегий, которыми пользуются говорящий и слушающий в процессе естественной коммуникации. В качестве материала исполь-

зуется запись одной радиопередачи из речевого корпуса, представленного на сайте Корпуса русского литературного языка <http://narusco.ru/>. Текст записи представляет собой диалог ведущего радиопередачи и приглашенного гостя. Продолжительность записи — 27 минут 12 секунд.

Всего в орфографической расшифровке этой записи объемом 3037 словоупотреблений было обнаружено 428 пауз (включая паузы вдоха, вздоха и гортанные смычки). Основное внимание уделялось анализу того, что собой представляют единицы, получившиеся в результате разрыва семантико-синтаксического единства паузой, а именно могут ли они интерпретироваться как самостоятельные дискурсивные единицы.

Согласно полученным данным, в 69,2% случаев появление паузы в речи приводит к разрыву семантико-синтаксической целостности высказывания. При этом нередко подобные паузы возникают друг за другом, создавая таким образом достаточно продолжительные отрезки речи с «ненормативной» с точки зрения кодифицированного литературного языка паузацией. Например: *э-э-э как_бы этот год кх год семьи э-э-э я не считаю что м-мэ закончили inh (0,496)¹ работу inh (0,112) по inh (0,492) а-а поддержке кхх-э-э социальной реабилитации семейных сообществ, которые мы тоже курируем*. Это явление не препятствует надежному распознаванию услышанного и, более того, часто остается незамеченным слушающим в процессе естественной коммуникации.

Как видно из примера, разрываться могут даже тесные синтаксические связи (в терминологии М.Л. Гаспарова и Т.В. Скулачёвой (Скулачёва 1996; Гаспаров, Скулачёва 2004)). Например, дополнительная прямая: *закончили inh (0,496) работу*.

При этом в большинстве случаев синтаксическое оформление той части высказывания, которая предшествует паузе, указывает на незаконченность фразы (например: *и мы вот сейчас их inh (0,621) э-э решаем*). С точки зрения описания возможных стратегий, которыми пользуются говорящий и слушающий, особенно интересными представляются разрывы сверхтесных связей, а именно возникновение пауз после предлогов (за *sigh (0,287) порог*; всего 13 различных случаев в проанализированном материале), после сочинительных и подчинительных союзов (*и поджидали после бани и inh (0,748) всякое разное было; кто-то, какие-то девочки видели, как inh*

(0,560) он там собирал, ковырялся; 29 случаев) и после предшествующей глаголу частицы *не* (в борьбе со старым *не paus (0,265)* покажет своих преимуществ; 2 случая). Употребление говорящим предлога, союза или частицы *не* до паузы для слушающего, по-видимому, является дополнительным маркером того, что фраза не является завершённой.

Наиболее сложными для интерпретации являются ситуации, когда фрагмент фразы, предшествующий паузе, с семантико-синтаксической точки зрения может быть воспринят слушающим как законченное единство: *недавно была встреча в администрации sigh (0,188) Кировского района*. Инструментальный анализ подобных примеров из нашего материала и результаты экспертной оценки этих примеров опытными фонетистами показали, что возможны как минимум два варианта просодического оформления таких единиц:

1) мелодический контур фразы не нарушается, несмотря на возникновение паузы, т.е. интонационное оформление части фразы, предшествующей паузе, указывает слушающему на то, что после паузы высказывание будет продолжено;

2) часть фразы, предшествующая паузе, характеризуется интонацией завершенности и, следовательно, не содержит указаний на возможное продолжение высказывания.

Стратегия обработки слушающим семантико-синтаксических единств второго типа требует проведения отдельного психолингвистического исследования. В докладе будут представлены результаты пилотного эксперимента, направленного на оценку завершенности высказывания, в котором были использованы части разорванных семантико-синтаксических единиц, характеризующихся, по мнению экспертов, интонацией завершенности.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 13-06-00374

Гаспаров М.Л., Скулачёва Т.В. 2004. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры.

Земская Е.А. 2006 (1979). Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, Наука.

Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.

Светозарова Н.Д. (ред.) 1988. Фонетика спонтанной речи Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Скулачёва Т.В. 1996. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М.: Наука. С. 18–23.

Слепокурова Н.А. 2010. Еще раз о сходстве спонтанной и поэтической речи // IX выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: Материалы. Череповец: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет». С.110–118.

¹ В примерах используются следующие обозначения: *inh* — вдох; *sigh* — вздох; *paus* — незаполненная пауза; в скобках после обозначения паузы указана ее продолжительность в секундах.